

Юрий

Толдяков

ЧП
районного
масштаба

*геометрия
любви*

Юрий Михайлович Поляков

ЧП районного масштаба (сборник)

Текст предоставлен издательством

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=147295

ЧП районного масштаба / Юрий Поляков: Астрель: АСТ; Москва; 2009

ISBN 978-5-17-054341-0, 978-5-271-21216-1

Аннотация

«ЧП районного масштаба» – одно из самых известных произведений Юрия Полякова. В нем, как и в других своих «советских» повестях, наделенный талантом острой и умной наблюдательности автор демонстрирует взгляд нормального человека на ненормальные обстоятельства. Понять, почему именно суетливый инструктор райкома комсомола с ленинским профилем на лацкане стал первым миллиардером в постсоветской России – значит понять очень многое в современной жизни.

Содержание

ЧП районного масштаба	4
1	4
2	10
3	25
4	37
5	48
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Юрий Поляков

ЧП районного масштаба (сборник)

ЧП районного масштаба

1

На дне, между камнями, застыл пучеглазый морской ерш. Он и сам был похож на вытянутый, покрытый щетиной водорослей камень. Бурая подводная трава моталась в такт прокатывающимся на поверхности волнам и открывала пасущихся в чаще разноцветных рыбок. А еще выше – там, где по мнению придонных жителей, находилось небо, – проносились эскадрильи серебристых мальков. И совсем высоко-высоко, на грани двух миров, ослепительное золото омывало синие тени медуз. Но на солнце даже из-под воды смотреть было невозможно.

Человек в маске и ластах зажмурился, потому что после взгляда вверх дно показалось темно-зеленым шевелящимся пятном. Потом, одной рукой крепче ухватившись за жесткие стебли водорослей и чуть-чуть выдвинувшись над ска-

лой, он стал медленно подводить наконечник гарпуна к окаменевшему ершу. Чтобы выстрелить наверняка, острие нужно приблизить почти вплотную (очевидно, завод, где изготавливаются подводные ружья, – коллективный член Общества охраны природы).

Но в тот момент, когда, дернувшись в руке, ружье метнуло гарпун, ерш с реактивной скоростью рванулся с места и, оставляя за собой мутный след, исчез в расщелине. Гарпун, звякнув, отскочил от камня, и белый капроновый шнур, медленно изгибаясь, начал опускаться на дно.

Из дыхательной трубки с бульканьем взвились крупные пузыри: охотник выругался. Запас воздуха в легких кончался, но прежде чем всплывать, человек обвел вокруг взглядом, запоминая место, где укрылся ерш, и вдруг снова вцепился в водоросли: на краю расщелины сидел здоровенный краб, похожий на инопланетный шагающий вездеход. Черными глянцевыми клешнями-манипуляторами он подносил что-то к шевелящемуся рту.

Сдерживая подступивший к горлу вздох, ныряльщик изо всех сил сжал зубами резиновый загубник трубки. Десять лет он занимался подводной охотой, но такого громадного черноморского краба не видел, кажется, ни разу! Только бы не потерять скалу! Наверху – волны, пока отдышишься, может отнести в сторону. Обманывая задыхающуюся плоть, охотник делал частые глотательные движения, но это уже не помогало.

Все! Сильно оттолкнувшись от скалы, вытянувшись в струну и до судороги в икрах работая ластами, он понесся вверх, к воздуху. Выскочив из воды по пояс, человек выплюнул загубник и несколько раз глубоко, до боли в легких, вдохнул. Перед глазами, застилая жаркое синее небо,плыли фиолетовые пятна, а к вискам прилиwała пугающая слабость. Постепенно взгляд прояснился, неуверенность исчезла, но дыхания все же не хватало, а сердце колотилось неестественно быстро и гулко.

Чтобы успокоиться, человек осмотрелся: метрах в двухстах от него виднелся пустынный каменистый берег, три парня волокли выброшенную морем корягу, а далеко справа горбилась гора Ежик, из зеленых колючек которой поднималась белая башня пансионата. У подножия Ежика, между волнорезами, был большой пляж. Чем дальше от берега, тем ярче и драгоценнее становился цвет моря. Возле оранжевых буйков, болтая в воздухе ластами, охотились за разноцветными камешками и мелкими рапанами бесстрашные ныряльщики. Еще дальше, покачиваясь на пестрых надувных матрацах и чувствуя себя, наверное, в открытом море, несколько смельчаков получали солнечные ожоги. Через равные промежутки времени усиленный мегафоном хриплый мужской голос с южным акцентом настойчиво звал их вернуться к берегу. А на горизонте, где, как двояковыпуклая линза, смыкались море и небо, виднелся силуэт теплохода.

Человек глубоко вздохнул, поправил маску, вставил в рот

загубник и, погрузив лицо в воду, сразу отыскал знакомые очертания скалы. Так, распластавшись на волнах, он старался отдышаться, при этом не упуская из виду найденное место. Это надо же! Весь отпуск проплавать там, где подводная мелочь вспоминает о ершах и крабах, как мы о мамонтах, и вот за три дня до отъезда напасть на такой заповедник! Черт с ним, с ершом, но краб-то, краб! Боевая клешня чуть не с ладонь, если упустишь – никто не поверит. Надо попытаться схватить рукой, а если не получится – выстрелить, хоть и жалко портить панцирь.

Подумав об этом, охотник упер рукоять пневматического ружья в живот и с натугой вдавил гарпун в дуло, потом втянул через трубку воздух, сложился пополам и, вскинув над поверхностью длинные черные ласты, ввинтился в воду.

Краб сидел на том же месте. Осторожно приблизившись, человек медленно и незаметно подвел к нему сзади руку и резко махнул ружьем перед черными стебельками крабьих глаз. Стебельки тут же нырнули в глазницы, а сам краб, словно неопытный вратарь перед прорвавшимся форвардом, широко распахнул объятия, но тут же был крепко схвачен между растопыренными и потому безопасными клешнями. Охотник начал уже всплывать, но вдруг увидел, как, быстро перебирая суставчатыми ногами, к расщелине бочком убегает такой же громадный – или даже поболее – крабище. Закусив загубник и выбросив вперед руку с ружьем, человек извернулся за ним, выстрелил и проломил насквозь толстен-

ный панцирь, потом за шнур подтянул к себе гарпун: краб сучил когтистыми ногами, а клешнями пытался перегрызть стальной прут. Из пробоины клубилось бурое облачко крови.

«Это уже я зря...» – хотел подумать охотник, но в голове что-то скрипнуло, рот наполнился соленой водой, а тело сделалось до дурноты легким и беспомощным. Через мгновение, выброшенный на поверхность, он увидел вокруг окаменевшую и накренившуюся зыбь моря. Вверху, на фоне безоблачного, цвета густой грозовой тучи неба сияло зеленое с кровавым ободком солнце. И еще человек почувствовал, что больше не умеет плавать...

На далеком берегу маленькие люди еле слышно кричали, но еще страшней, чем недостижимость берега, была четырехметровая толща воды – теплая, светлая у поверхности и холодная, мрачная в глубине. А тем временем ум никак не мог объяснить плоти, что нужно делать. Тяжелое фиолетовое небо словно хотело вдавить человека в воду, и он, закричав, рванулся, отшвырнул все, что было в руках, и опрокинулся на спину. Сердце уже не билось, а сотрясало тело, и точно так же сотрясали сознание слова: «Нет-нет-нет-нет-нет...» Солнечный свет дрожал и мерцал перед глазами, точно перегорающая электрическая лампочка. Казалось, одно резкое движение – и наступит темнота.

Еле шевеля ластами, человек на спине поплыл к берегу, один раз было оглянулся, и ему почудилось: суша не только не приблизилась – даже отдалилась. Тогда снова тело

свела судорога беспомощности, а душу охватил утробный ужас. Больше уже не оглядываясь, даже зажмурившись, он все плыл и плыл, чуть перебирая непослушными ногами. Когда же спина коснулась скользких прибрежных камней, он замер, потом сел по пояс в воде и наконец повернул голову.

Прямо перед ним, суется на скрипучей гальке, двое парней пристраивали над огнем котелок. Третий, вскрывавший консервные банки, с любопытством уставился на подплывшего и улыбнулся:

– Ты, земляк, извини! Мы из твоих брюк сигареты взяли, а то тебя нет и нет. Петька уж смеялся: «Бери, мол! Он... то есть ты... теперь не куришь, потому как утоп...»

И парни жизнерадостно заржали над своей шуткой.

2

Человек ничком лежал на раскаленных камнях и пытался понять случившееся. Но, перебивая все остальное, словно громкая соседская музыка, в голове пульсировало: «Нет-нет-нет-нет-нет!» Выключить эти слова было нельзя – можно лишь отодвинуть в глубь сознания. Человек повернулся на спину, и на сомкнутые веки легла алая пелена полуденного солнца.

Оказывается, все очень просто. Не сумеет он справиться с оцепенением – моря, неба, скал, ребят у костра, неудобного камня, вдавившегося в поясницу, – ничего этого уже не было бы никогда. Как это? Наверное, как в армии, когда громким криком вызывали из темного кинозала заступающих в наряд, а фильм крутился дальше, и обо всем, что произойдет после твоего ухода, можно лишь догадываться.

Интересно: а быстро бы его нашли? В пансионате скоро не хватятся, наверное только к ужину или даже к завтраку. Скорее всего первыми сообразят эти любители чужих сигарет: действительно, одежда давно лежит, а хозяин пропал... Дальше – загорелые джинсовые мальчишки со спасательной станции, ненадолго оставив разомлевших от солнца и курортного обхождения девиц, прыгнут в лодку и сразу отыщут в прозрачной воде отдыхающего, который, говоря словами инструктора по плаванию, вздумал «шутить с мо-

рем»... Затем апатичные курортные врачи привычно пово-
зятся с посиневшим телом, а спасатели, стараясь разогнать
разбухающую толпу любопытных, примутся кричать: «Отой-
дите! Воздух... Ему нужен воздух!» Но люди будут все при-
бывать и прибывать, вставая на цыпочки, даже подпрыги-
вая, чтобы лучше видеть... Потом «скорая помощь», уже без
сирены, увезет утонувшего, но обитатели пляжа, вывернув
к солнцу труднозагораемые места, еще долго и горячо станут
обсуждать случившееся:

– Это тот высокий шатен из Москвы. У него еще подвод-
ное ружье было. Донурылся...

– Говорят, жена и дочка маленькая в Москве остались.
Еще ничего не знают!

– Ужас! Тоже моду взяли – поодиночке отдыхать... С ни-
ми приехал бы, может, и ничего!

– Начальство всегда поодиночке отдыхает. Он ведь хоть
молодой, а начальством работал. Говорят, секретарь райко-
ма!

– Партии?

– Нет, комсомола, но все равно!

– А какого района?

– Говорят, Красно... Красно... Краснопролетарского.
Есть у вас такой?

– Господи, это же наш район! Ой, надо мужу рассказать –
он из райкома их всех знает! А фамилия как?

– Мишулин или... Шумилин, кажется...

Потом? Потом какие-нибудь формальности, связанные со смертью человека, затем обратная дорога, как в том бунинском рассказе, – и ты единственный пассажир, которому наплевать на крушения и катастрофы... Затем – некролог в «Комсомольце» и похороны. Траурный митинг (наверное, в клубе автохозяйства), грустное многословие, навевающее мысли о том, как без такого человека может развиваться дальше мировая цивилизация. Духовой оркестр с печально ухажущим большим барабаном. Венки от организаций и частных лиц. Удары молотка – и всегда ощущение, будто могут поранить лежащего внутри. Потом стучащие о крышку кофья земли... Первые горсти бросят одетые в черное мама и жена. Интересно, как поведет себя Галя, ведь формально они еще не разведены. Разумеется, будет держаться, словно ничего у них не случилось, а слушая прощальные речи, удивится, почему не ужилась с таким прекрасным мужем! Лизке же Галя скажет, что папа уехал далеко-далеко и вернется, когда дочь вырастет. «А что он привезет?» – спросит Лизка...

Шумилин почувствовал, как закипают на солнце выступившие слезы. Ладно – хватит! По техническим причинам похороны переносятся на неопределенный срок. Нужно достать ружье и бежать на обед.

Он быстро нацепил маску и ласты, вставил в рот трубку, пятясь, вошел в воду, опрокинулся и отплыл на спине несколько метров, потом перевернулся лицом вниз. Пронизанный зелеными лучами подводный мир снова обступил

его: колыхались водоросли, яркая, синеперая зеленуха металась между камнями, перебирала ножками прозрачная, словно стеклянная, креветочка.

«Опыт спасения утопающих у меня уже есть, – пошутил сам с собой Шумилин. – Главное, чтобы снова не оцепенели ноги...» Но едва только мелькнула эта мысль, как в теле появилось знакомое чувство беспомощности и пульсирующий страх, а в сердце со страшной быстротой заколотились слова: «Нет-нет-нет-нет-нет...» Беспорядочно лупя ластами, он вернулся на сушу, выкурил, чтобы успокоиться, несколько сигарет, побродил вдоль берега и дрожащей рукой пустил по воде вприпрыжку десяток плоских камней. Тридцать лет ему казалось, что его тело, его сознание как будто вплавлены в этот бесконечный кусок янтаря под названием «мир», а получается, с жизнью тебя связывает лишь тоненький, звонко натянутый волосок. И что самое печальное: тело – всего лишь капризная оболочка, ненадежноеместилище души. Конечно, все это было известно и раньше, но одно дело – знать, а совсем другое – почувствовать...

К пансионату вела кипарисовая аллея, упиравшаяся прямо в двери прозрачного, как аквариум, пищеблока. Сегодня кипарисы пахли борщом.

Обеденное время давно кончилось, поэтому в столовой уже никого не было, кроме хмурых официанток, носивших на мойку грязную посуду и вытиравших столы. Шумилин

принялся хлебать холодный, как свекольник, борщ, жевать затвердевшие котлеты, вспоминая прошлый сезон, когда отдыхал здесь с женой и, занырявшись, часто опаздывал к столу. Галя обычно до конца стерегла его порции, но встречала мужа злым-презлым взглядом. Он виновато ел, а она громко недоумевала, почему должна целыми днями загорать одна и, как от мух, отбиваться от пляжных приставал. Потом обычно следовало обещание утопить, к чертям, все эти ласты, маски, ружья. Приходилось отшучиваться, говоря, что лучше утонуть самому, чем утопить ружье. Теперь Шумилин так не пошутил бы.

Надо сказать, Галя злилась часто: не только из-за подводной охоты и не только во время отпуска. Впрочем, ее можно понять. Реже всех видят своих мужей жены разведчиков, заброшенных в тыл врага и натурализовавшихся. На следующем месте после них – супруги комсомольских работников. И тем не менее Галя все время твердила, что ее единственная мечта – хотя бы несколько дней отдохнуть в одиночестве. Но тот генеральный скандал разразился именно потому, что Шумилину пришлось на несколько дней раньше вылететь в Москву. В нынешнем году торопиться некуда, только это уже не имеет никакого значения. И честно говоря, отзови его сейчас из отпуска, кажется, он был бы доволен. Отдыхать надоело.

«У человека всегда есть цель, – рассуждал Шумилин, выходя из столовой, – три недели назад не терпелось в отпуск,

сейчас хочется домой».

...Наверное, ни одно желание в жизни первого секретаря Краснопролетарского РК ВЛКСМ не сбывалось так быстро: в холле спального корпуса его окликнула дежурная и протянула бланк срочной телеграммы:

РАЙКОМЕ ЧП ЗВОНИ КОМИССАРОВА

«Что же могло случиться?» – нервничал Шумилин, пробиваясь на междугородную станцию, державшую глухую оборону от абонентов. Но дозвониться все-таки удалось, и Москву дали на удивление быстро.

– Алло, райком? Надя? – закричал он изо всех сил, хотя слышимость была вполне приличная. – Что у вас случилось?

– Алло, Коля... Николай Петрович... алло! – ответил тревожный голос. – Коля, представляешь, какой ужас: сегодня ночью кто-то забрался в райком, в зал заседаний, и нахулиганил...

– Что значит – нахулиганил?

– Это не телефонный разговор. Ковалевский уже знает. В горкоме тоже...

– Вот так, да? А милиция?

– Милиция уже была. С собакой. Коленька, прилетай скорей, я же одна за всех. Мы слет готовили, а здесь такое! Ты же знаешь, Кононенко раньше времени забрали, я одна осталась...

– Не рыдай. Вечером вылечу, завтра буду в райкоме. Сегодня что, суббота? Вызови с утра весь аппарат. Разберемся.

Пока.

Шумилин повесил трубку, потом узнал телефон местного горкома комсомола и позвонил первому секретарю, тот внимательно выслушал просьбу столичного коллеги, записал паспортные данные и обещал выбить броню. Из телефонной кабины, куда несколько минут назад вступил расслабленный отдыхающий, вышел энергичный, сосредоточенный ответственный работник.

«А пашут они тут, как мы! – с запоздалым недоумением подумал он. – Сегодня же суббота!»

Привыкший по роду деятельности иметь перед носом перекидной календарь, в отпуске Шумилин прежде всего сбивался со счета, но какое число сегодня, все-таки сообразил: утром он видел черно-волосых школьников, несущих букеты, – таких неожиданных для курортного городка, где, оказывается, тоже учатся. Тогда все ясно: первого сентября Шумилин сам был бы на работе.

– Ты куда пропал?! Худеешь, что ли? – улыбаясь, остановил его томившийся тут же в телефонной очереди сосед по столику – заведомом из Вологодского обкома.

– Да ты понимаешь: какие-то идиоты ночью в райком залезли...

– Махновцы балуют!

– Я серьезно. Надо лететь... Так что будешь в Москве – заглядывай к нам в Краснопролетарский. Только не спутай: есть еще Краснопресненский и Пролетарский. Бывает, оши-

баются.

– Не спутаю... Дак я думал, ты смеешься... Это ж на весь город ЧП!

– Вот так, да? Ты мне объясняешь?

– Дак я думал... Может, тебе помочь собраться?

– Спасибо – я успею.

– Ну тогда счастливо! Ты, старик, держись: может, все обойдется...

И наверное, оттого, как помрачнело и напряглось лицо этого, в общем-то малознакомого парня, с краснопролетарского руководителя окончательно слетело курортное благодушие.

Поднявшись в номер, Шумилин вытащил из-под кровати запывлившийся чемодан, нарисовал пальцем на крышке печальную рожицу и начал укладываться – по-мужски все комкая и кидая в одну кучу. В голове прочно засели неизвестные хулиганы, но при этом почему-то в деталях встала перед глазами прошлогодняя ссора с женой.

Год назад, вот точно так же после разговора с Москвой, он собирал вещи, а Галя молча лежала на кровати, отвернувшись к стене: накануне они объяснялись по другому поводу. Сборы мужа она поняла по-своему:

– Я тоже думаю – нам пора развестись...

– Не говори ерунды! Я звонил в райком: Кононенко на военную переподготовку забрали, а Комиссарова в больнице с аппендицитом. Некому слет вести. Ты со мной полетишь

или останешься?

– На слет?

– Да.

– Неужели без тебя не обойдутся?

– Ты же знаешь, что нет!

– Ну конечно, во всем – первый!

– Мне не смешно.

– И мне не смешно. Только знаешь, Коля, – подозрительно ласково заговорила она, переворачиваясь на спину и глядя в потолок, – отстань ты от моей жизни! Ну тебя к черту с твоими постоянными авралами и ЧП. Ты мне иногда напоминаешь чайник из учебника: кипишь не потому, что горячий, а потому, что высоко подняли. Оттого что ты Первого мая на трибуне стоишь, мне жить не слаще. А если ты такой большой деятель – живи на трибуне! Зачем тебе семья, ребенок? Я хочу нормального мужика, который в семь часов дома, умеет гвоздь вбить, может ребенком заняться...

– Такой муж, какого ты хочешь, не существует как вид. И потом с мужем, вбивающим гвозди, ты бы сейчас не в санатории ЦК...

– Мне от тебя ничего не надо!

– Ну, в конце концов, ты знала, за кого замуж выходишь!

– Я выходила за студента, а получила мальчика на побегушках... Только не изображай из себя стоп-кадр, давай беги, а то без тебя весь райком развалится и твоя карьера вместе с ним!

– Галя!

– Я двадцать восемь лет Галя – и из них семь лет дура, потому что с тобой связалась, но теперь хватит...

– Замолчи!

– Я сказала: хватит!

– Только не передумай, пожалуйста!

– Это я тебе обещаю!

– Вот так, да?

– Да!

– Ну и отлично! – закрыл прения Шумилин и, надавив коленом на крышку чемодана, стал запихивать под нее торчавшие во все стороны шмотки.

Когда-то они учились в одном институте, поженились еще студентами в результате, как тогда казалось, нестерпимой любви, но жили плохо. А все несчастные семьи, вопреки утверждению классика, похожи друг на друга. И еще одна странность: чем решительнее Шумилин шел вперед и выше, тем хуже становились семейные отношения. Сам для себя он объяснял это так: жены ответственных работников – куда большие карьеристы, чем их мужья, расплачивающиеся за продвижение по службе каждодневной нервотрепкой, постоянной круговертью, невозможностью даже дома отключиться от дела. Женам же выпадает непростая, но приятная и, к сожалению, односторонняя обязанность – соответствовать очередному положению своего спутника жизни. Они где-то слышали, что мужчину на девяносто процентов делает

женщина, и всеми силами стремятся к стопроцентным показателям. Мало того, они хотят, чтобы их незаурядные и ответственные супруги, вернувшись с работы, превращались в обыкновенных домашних мужчин, готовых к активному внутрисемейному труду. Моральные и физические силы мужа вступают в противоречие с семейными отношениями – и наступает разводная ситуация. И однажды, наскоро собрав чемодан, мужчина решительно направляется к двери и лишь на пороге, не повернув головы, констатирует:

– Я пошел.

– Пока, – уткнувшись в подушку, отвечает женщина...

В прошлом году Шумилин улетел один, потом они, конечно, помирились, затем снова поссорились... Месяцев пять-шесть их брак пребывал в неустойчивом равновесии, наконец они разъехались, но на развод пока не подавали: то ли на что-то надеясь, то ли просто откладывая неприятную процедуру. К счастью, свобода не обернулась для Шумилина необходимостью решать жилищную проблему: он вернулся к матери, к себе в комнату, и даже частично перевез свою, как в старину говаривали, со вкусом – а значит, с большим трудом – подобранную библиотеку. Одним словом, они разошлись интеллигентно, и расставанье их обещало впереди если не встречу, то, во всяком случае, нормальные отношения чужих людей, у которых из общего осталось только одно, зато самое главное – ребенок...

В аэропорту все произошло как обычно, по-комсомоль-

ски: здесь слыхом не слыхивали о брони для секретаря райкома из Москвы. Вспомнив прошлогодний опыт, краснопролетарский руководитель больше часа метался между начальником аэровокзала, дежурным по транзиту и кассой брони, совал красное удостоверение, безнадежно звонил в горком. В конце концов он опустился на скамью для ожидающих, положил голову на чемодан, закрыл глаза и стал ожидать.

«И в воде не тону, и в воздухе не летаю!» – хотел было сам с собой пошутить Шумилин, но сразу же вспомнил сегодняшней случай в море, о котором не давали забыть какая-то смутная тревога и появившееся недоверие к собственному телу. И к тому же неотвязно крутились мысли про хулиганов, залезших в зал заседаний.

Надо же умудриться за один день чуть не утонуть и получить известие, что в своем родном райкоме – ЧП! Можно представить, какая там сейчас паника, если третий секретарь Комиссарова отбивает телеграмму и умоляет скорее прилететь. И что значит – «нетелефонный» разговор? Может быть, хулиганы в финхозсектор забрались или картотеку попортили? Нет, Комиссарова только про зал заседаний говорила. А что бы она, интересно знать, стала делать, если бы первый секретарь взял да и утонул?

Но следом за несерьезной даже мыслью о происшедшем появилось непонятное чувство беспомощности и страха. Чтобы переключиться, приходилось развлекать себя разговорами, как женщину.

Кстати, о женщинах. С Галей нужно было развестись еще до рождения Лизки, не зря все-таки они так долго тянули с ребенком. Но легко расходиться со стервами, тут все понятно: она дрянь – и от нее нужно бежать. А что прикажете делать с приличной, семейной женщиной, которая просто тебе не подходит? Почему? Потому что не подходишь ей ты. Но ведь восемь лет назад они удивительно подходили друг другу. Вот в чем штука! Главное – пусть даже не совпадать в самом начале, а потом изменяться в одну сторону. Тогда и у разных людей появляется общее, а не наоборот! Нужно будет по возвращении переговорить в обществе «Знание» и организовать для молодежи беседы о браке и семейной психологии, пригласить лектора, но не трепача какого-нибудь, а специалиста. Может, разводов в районе станет поменьше. Кстати, о разводе. Где-то написано, что при разрыве, как правило, женщина уходит к другому, а мужчина в никуда. Возможно... Но жизнь, как говорится, еще не кончена в тридцать лет, вот только надо разобраться с хулиганами да провести слет! Развод, конечно, объективку не украсит, но, слава богу, в последнее время стали понимать, что работоспособность и душевное равновесие функционера (почему некоторым не нравится это слово?) гораздо важней лишних штампов в паспорте и несложных финансовых операций по отчислению алиментов. Да и Лизка будет только крепче любить отца, а то она уже было начала пересказывать родственникам и гостям, что кричала мама и как отве-

тил папа. Вот так-то!

Честно говоря, Шумилин сосредоточился на своих житейских проблемах еще и затем, чтобы не думать о происшествии в райкоме (действительно, махновцы какие-то!). У него был принцип, выработанный многолетним опытом: не расстраиваться заранее, иначе никакие нервы и никакое сердце не выдержат. Ведь складывались же в работе ситуации, когда доводил себя до отчаяния, а все оказывалось не так страшно! Бывало, правда, и наоборот. Так что сейчас самое главное – улететь и разобраться на месте, тогда станут ясны и подробности, и причины, и последствия.

Уткнувшись в чемодан, он забылся той странной дремотой, когда снится, будто не можешь заснуть. Разбудил его трубный голос, разнесшийся по всему залу ожидания: «Товарища Шумилина из Москвы просят пройти к дежурному по аэровокзалу».

Непонятно: или отыскалась запись о его брони, утерянная при передаче смены, или опамятававшийся после первосентябрьской круговерти местный секретарь все же позвонил сюда, или же весть о ЧП в Краснопролетарском районе столицы достигла Черноморского побережья, но в результате через несколько минут он держал билет на самолет, вылетающий в 01.40. Однако рейс отложили, и только около пяти часов утра Шумилин поднялся по трапу Ту-154, вдохнув последний раз теплый и влажный, как в предбаннике, южный воздух. Кругом еще стояла густая кавказская ночь, а над го-

ловой чернело небо, усеянное стеклянным крошевом звезд.

3

В иллюминатор было видно, как подозрительно вибрирует заиндевевшее крыло самолета. Между креслами, разнося газеты и воду, с профессиональной грацией двигалась стюардесса, а за ней, словно запоздавшая звуковая волна, накачивался парфюмерный запах.

Во время полета можно многое: спать, есть, читать, думать о жизни... Шумилин размышлял. О ЧП в райкоме, следуя своему принципу, он усиленно старался не вспоминать, а перебирал мелочи, случившиеся с ним за последнее время, – курортные встречи и знакомства; хорошие книги, купленные перед отпуском и оставшиеся непрочитанными; нового участкового врача – симпатичную молодую женщину по имени Таня, с которой умудрился завести роман. Вспомнил про красные, большие и как бы отлакированные яблоки, впопыхах купленные для дочери по пути в аэропорт... Кстати, собираясь отдыхать, он заезжал проведать Лизку и неожиданно заговорил с Галей о разводе, а та в ответ насмешливо удивлялась, что это ему так не терпится испортить себе карьеру и вернуться к прежней специальности. Галя работала учителем физики и не без оснований считала: держать в повиновении какой-нибудь сорокогорлый 9 «Г» не легче, чем руководить многотысячным районным комсомолом. Но знавала она и другое: человека, поработавшего первым сек-

ретарем райкома и возвратившегося к прежней профессии, можно как редкость выставить в музее, только вот посетители все равно будут принимать его за муляж.

Хотя... всякое, конечно, может произойти, и готовым нужно быть ко всему, особенно после случившегося. По правде говоря, в последние годы судьба Шумилина складывалась так, что вопрос «кем быть?» за него в основном решали другие. До сегодняшнего дня решали поступательно... И чтобы снова не думать о хулиганах, дорисовывая в воображении зловещие подробности, он принялся вспоминать, куда после переезда к матери засунул папку с набросками диссертации.

Внесем ясность.

Первый секретарь никогда не мечтал о профессиональной комсомольской работе и после армии пошел на истфак пединститута только потому, что хотел быть историком. Но ничего не поделаешь: склонность к общественной деятельности Шумилин впитал буквально с молоком матери. Она вечно после смены пропадала на заводе, то готовя очередное собрание, то организуя митинг, то репетируя концерт художественной самодеятельности, на котором сама обязательно выступала со стихами Маяковского или Щипачева. Жили они тогда в заводском общежитии, отец мотался по командировкам – и очень часто Колю кормили ужином и укладывали спать соседи. Нынче таких соседей уже нет, они остались там, в общежитиях и коммунальных квартирах пятиде-

сятых – шестидесятых годов.

С самого начала Колина мать, Людмила Константиновна, общественные поручения сына принимала к сердцу куда ближе, чем домашние задания и отметки, не опускавшиеся, между прочим, ниже твердой четверки. А в школе и товарищи, и учителя всегда знали: если подготовка сбора или КВ-На поручена Шумилину, можно не волноваться и не контролировать. Но унаследовав от матери общественный темперамент, сын, в отличие от нее, командовать не любил: сознание, что от него зависят другие, наполняло Колю не торжеством и самоуважением, а заботой и беспокойством. Короче, в лидеры он не рвался, и это решило его судьбу: он последовательно избирался председателем совета отряда, комсоргом класса, секретарем комитета ВЛКСМ школы, потом роты, а позже курса и факультета. Наконец, защитив диплом и поступив в аспирантуру, стал освобожденным секретарем комсомольской организации педагогического института. Впрочем, нет: сначала его решили избрать секретарем, а потом уже оставили в аспирантуре.

В педагогический Шумилин поступал из-за истории, но уже на первом курсе увлекся педагогикой – и не теорией, которую, надо сказать, читали чрезвычайно занудно, а именно практикой. Он сразу же стал непременным участником педагогического отряда, шефствовавшего над детским домом и базовыми школами. А на третьем курсе, уже почувствовав себя незаурядным воспитателем, взялся за инди-

видуальное шефство – выражаясь проще, решил исправить некоего Геннадия Саленкова, который в свои четырнадцать лет был хорошо известен инспекции по делам несовершеннолетних, школой квалифицировался как трудный подросток, а семьей – как «раздолбай». Матери своего подшефного Шумилин почти не видел. Судя по обрывкам разговоров, она занималась коммерцией: записывалась в различные списки, стояла в очередях за дефицитом и окончательно запуталась в цепи «товар – деньги – товар»... Саленков-старший, пивший все, что горит, открывая дверь замусоренной квартиры настойчивому студенту, обычно со слезой приговаривал: мол, меня не смогли – хоть сына вытащите. Но с Генкой, к сожалению, тоже ничего не получилось: его отправили в колонию.

Зато другого парня, Андрея Неушева, Шумилин все-таки «вытащил», помог поступить в сильное ПТУ, потом определил на завод в хорошую комсомольско-молодежную бригаду и, уже будучи первым секретарем, вручал ему знак «Молодой гвардеец пятилетки». Сейчас, с запозданием, Неушев служил в армии (ему долго давали отсрочку из-за больной матери) и присылал своему наставнику письма, правда, не такие бодрые, как те, что передают в «Полевой почте» радиостанции «Юность».

На последнем курсе Шумилин стал заместителем секретаря институтского комитета ВЛКСМ и снискал известность тем, что на отчетно-выборной конференции бросил

призыв: «Педагогический для педагогов!» Если кто-нибудь думает, будто пединституты готовят исключительно учителей, он глубоко ошибается. Курс, на котором учился будущий краснопролетарский руководитель, дал стране поэта и инспектора ОБХСС, радиодиктора и чемпиона республики по дельтапланеризму, библиотекарей, редакторов, экскурсоводов, журналистов, офицеров, домашних хозяек... Были, правда, и учителя, они любили свою профессию, но всякий разговор начинали и заканчивали тем, что с нынешними детьми, в нынешней школе, по нынешней программе работать невозможно. И работали.

Став секретарем, Шумилин первым делом взялся за собеседования – их проводили с абитуриентами члены комитета. Еще до экзаменов, считал он, необходимо выяснить – не по характеристикам и рекомендациям! – кому из поступающих нужна педагогика, кому – просто диплом. А после успешных экзаменов необходимо, чтобы будущие учителя на практике постигали свой педагогический «сопромат», узнавали, каким бывает благодарным и как умеет сопротивляться самый непонятный – человеческий – материал. Еще лет десять назад в моде была ироническая фраза: «Дети – цветы жизни». А еще раньше эти слова говорили без иронии, совершенно серьезно, ведь дети – действительно цветы жизни, ибо в дальнейшем будут плоды. Но по тому, как ярко, густо и душно цветет сад, можно предугадать урожай. Сад, цветущий вокруг нас, как говорится, заставляет призадуматься

о завтрашнем урожае. Всерьез думал об этом и Шумилин. Конечно, в институте оставалось достаточно студентов, знавших, что такое воспитание и обучение, только по конспектам своих аккуратных однокурсников, и конечно, не следует преувеличивать роль личности Шумилина в истории советской педагогики, но он работал, а это уже немало!

Тогда будущий первый секретарь еще не думал о профессиональной комсомольской работе – утвердил тему диссертации по новым формам нравственного воспитания и в перспективе видел себя молодым, вдумчивым, снисходительным, особенно к хорошеньким студенткам, доцентом. И тут-то отечественной педагогической науке был нанесен серьезный ущерб: Шумилину предложили место в горкоме комсомола. Пришло время определяться: с кем ты, деятель науки? Он много советовался. Отец, который тогда еще был жив, ответил в своем духе:

– Раз уж ты пошел в мать, все равно этим будешь заниматься, только на общественных началах. Тогда лучше за деньги...

Людмила Константиновна, разумеется, была «за», Галя воздержалась, она уже поняла: быть одновременно комсомольским руководителем и главой семьи непросто. В конце концов он согласился, и дальнейшая его жизнь потекла по узким извилистым коридорам горкома.

Энергичный, но сдержанный, инициативный, но знающий, даже внешне Шумилин подходил для роли комсомоль-

ского вожака: высокий рост, улыбочливое лицо с серьезными глазами, модная, но аккуратная стрижка, строгий, хорошо сидящий костюм... У него была слегка неправильная речь, и хотя логопеды в свое время потрудились, в некоторых словах он неуловимо смягчал твердый «л». Но даже дефект, как ни странно, еще больше располагал к нему: во-первых, людей без недостатков не бывает, а во-вторых, человек, говорящий с трибуны как теледиктор, настораживает. Правда, новому замзаву больше приходилось заниматься учетом и контролем, чем выступлениями, а тем более живым делом. Потом в декретный отпуск ушла заведующая отделом – он стал исполнять ее обязанности, и это тоже не способствовало занятиям теорией. Проводя же различные общегородские мероприятия, он заметил: семинары, слеты, совещания, конференции, которые по идее организуются для выработки общей линии в работе, часто превращаются в самоцель. И организаторов уже гораздо больше тревожит неудачно составленный список докладчиков, чем тот факт, что от перемены мест выступающих жизнь не изменяется. Шумилин такого отношения к делу не принимал, а добросовестный труд, как известно, дает человеку все, кроме свободного времени, – и поэтому энергично начатая диссертация постепенно стала походить на утраченную большую любовь: возврата к былому нет, но память не умирает!

В горькоме нового замзава ценили, ведь чужая трудоспособность, даже раздражая, все равно вызывает уважение.

А вскоре в Краснопролетарском районе, где Николая еще помнили по пединституту, освободилось место первого секретаря РК ВЛКСМ – прежний перешел на профсоюзную работу. Кандидатура Шумилина прошла на ура. Будем откровенны: тут он уже не раздумывал и не советовался.

Отгремели поздравления, примелькался большой кабинет, стала привычной служебная машина у подъезда, приелось значительное слово «первый» со всеми вытекающими из него приятными последствиями, и началась тяжелая, изматывающая работа с постоянным невыполнением чего-то, с криком, с нагоняями, с ноющими болями в левой стороне груди, редкими субботами и воскресеньями, проведенными дома. Руководитель районного комсомола себе не принадлежал, он принадлежал народу. А все-таки Шумилин был доволен, и что еще важнее, вышестоящие товарищи были довольны им. Нелепо утверждать, будто он не задумывался об открывшихся перспективах: первый секретарь одного из центральных столичных райкомов – это уже большое плавание, предполагающее заходы в самые неожиданные гавани, да и люди, работавшие рядом, росли, уходили выше, подавая достойный пример. Конечно, Шумилин был осмотрителен и, начиная новое дело, всегда просчитывал, как на это посмотрят сверху, но никогда и ничего не делал *только* ради благосклонного взгляда начальства. Однажды дошло до крупных неприятностей. Кто-то сгенерировал идею направить ударный отряд краснопролетарской молодежи на

стройки Тульской области, той самой, из которой по лимиту набирали ребят на предприятия района. Ситуация анекдотическая, но можно было молча выполнить распоряжение, а потом с пользой отрапортовать. Первый секретарь сказал «нет!», нажил недоброжелателей, потратил столько энергии, что ее хватило бы для вывода на орбиту небольшого искусственного спутника, но правоту свою доказал. Кипы зеленой стройотрядовской формы, прикрытые кумачовыми лозунгами, еще долго загромождали финхозсектор.

Но форма все-таки пригодилась. Дело обстояло так: в Краснопролетарском районе был детский дом, и комсомол, конечно, шефствовал над ним – организовывал подарки к дням рождения воспитанников, книжки для детдомовской библиотеки, концерты агитбригад. Шумилин тоже часто заезжал туда и, честно говоря, всякий раз возвращался расстроенный. У этих оставшихся без родителей ребят, очень непохожих друг на друга, была одна общая черта: на каждого нового человека они смотрели такими глазами, словно ждали, что вот именно сейчас им скажут: «Здравствуй! Ты меня не узнаешь?»

Я же твой папа...»

Еще до прихода Шумилина в район началось строительство нового, загородного здания детского дома. Задумано было великолепно: лес, река, подсобное хозяйство – и всего пятьдесят километров от Москвы. Но стройтресту эти полсотни верст оказались не под силу. Мы отлично можем

управлять беспилотной ракетой, летящей к какому-нибудь Меркурию или Сатурну, а вот наладить руководство бригадами, работающими на загородном объекте, трест так и не сумел – и стройка растянулась на несколько лет. Тем более что совсем рядом возводился дачный поселок, а там тоже требовались стройматериалы и рабочая сила.

И тогда на бюро РК ВЛКСМ пришел директор детского дома. В тот день заседание длилось долго, а через неделю загородный объект был объявлен ударной районной комсомольской стройкой. По строгому графику каждая первичная организация еженедельно выделяла бойцов на строительство. Вот тогда-то району и пригодилась стройотрядовская форма, а Шумилину – крепкая нервная система. Малейшее невыполнение плана по «человеко-часам» прямиком вело на ковер к краснопролетарскому руководителю. Но так или иначе, 31 декабря нынешнего года планировалось торжественное вручение ключей новоселам. А первый секретарь постепенно приходил к выводу: не будь у нас праздничных дат – и стройки не заканчивались бы никогда!

Став во главе райкома, Шумилин не в ущерб другим направлениям гнул свою, воспитательную линию. Под его твердой рукой всю развернулся пединститут. Немало трудных подростков вместо драк и угона автомобилей расходовали избыточную энергию в секциях борьбы и бокса, созданных при участии райкома, или в военно-спортивных лагерях осваивали навыки военной подготовки. Неплохие ре-

зультаты давали комсомольско-молодежные бригады. Требовательный мужской коллектив – это тебе не издерганный, разрывающийся между программой и дисциплиной классный руководитель. Очень хорошо себя зарекомендовали... Но во-первых, автор уже сбился на стиль отчетного доклада, а во-вторых, если углубляться в то, что смогла, а тем более чего не успела совершить краснопролетарская комсомолия под водительством первого секретаря, мы так и не доберемся до того события, из-за которого он срочно вылетел в Москву. И только чтобы не сложилось впечатление, будто наш герой в своем поступательном движении не знал преград, добавим: трудностей у него хватало. К тому же отдельным мнительным товарищам его энтузиазм несправедливо казался всего лишь средством обратить на себя внимание, выдвинуться. По этой причине, например, резко и прочно не сложились у него отношения со Шнурковой, тогдашним третьим секретарем. Слава богу, она вскоре ушла на повышение в райком партии, а нынешний третий Надя Комиссарова при всей своей инициативной наивности полностью разделяет стремления первого. Любому же беспристрастному человеку сразу ясно: карьеру в том смысле, о каком с жестокостью обиженной женщины говорила Галя, наш герой никогда не делал, по сути своей оставаясь тем же Колей Шумилиным, который мог вместо беготни во дворе целый вечер, высунув язык, рисовать стенгазету, заранее радуясь тому, что завтра возле свежего номера столпятся одноклассники. А похвалит

учитель – тоже хорошо.

Читатель, если ты убежден, будто таких людей в жизни не встретишь, а попадаются они только на страницах отражающей действительность художественной литературы, – можешь сразу отложить мою повесть.

– Вот так, да? – переспросил бы, услышав эти слова, Шумилин.

– Вот так!

Когда колеса пружинисто ударились о бетон и самолет, перед этим спокойно плывший в воздухе, помчался вдоль посадочной полосы, пассажиры по-родственному переглянулись.

Из Внукова в Москву таксист гнал машину с такой скоростью, что, казалось, еще немного – и они взлетят.

Дома никого не было, но это понятно: на выходные Людмила Константиновна постоянно уезжала к своей подруге на дачу. Удивляло другое: судя по разбросанным игрушкам и детским вещам, Галя впервые после того, что случилось, сдала Лизку на хранение свекрови. Впрочем, ей тоже нужно личную жизнь устраивать, а тесть и теща, наверное, в отпуске.

Шумилин сел на диван и первым делом собрался позвонить Комиссаровой – выяснить подробности, но, уже набирая номер, вспомнил, что «разговор-то нетелефонный».

Во всем теле ощущалась знобящая ломота, а в невыспавшихся глазах – резь. Но всего неприятнее было непривычное недоверие к собственной плоти, заставлявшее тревожно прислушиваться даже к стуку сердца.

Ерунда! Ответственный работник, как артист или спортсмен, обязан властвовать собой. Душ. Густой черный кофе. Вместо легкомысленных джинсов и тенниски – строгий серый костюм и галстук. Ну вот, можно отправляться к месту

происшествия и работы.

Райком комсомола помещался в особняке, уцелевшем еще от пожара 1812 года и выкрашенном нынешними знатоками старины в зеленый цвет. Перед революцией дом принадлежал известному чайному купцу. После Октября, утоля жажду справедливости рядовых потребителей чайного листа, дом эксплуататора экспроприировали и отдали комсомольцам. А спустя шестьдесят с лишком лет Шумилин водил по райкому изнемогавшую под тяжестью бриллиантов мумифицированную красотку – дочку бывшего владельца особняка – и пояснял:

– Здесь у нас зал заседаний...

– Боже мой! – восклицала старушка нерусским голосом. – У папы тут была спальня, и в пятнадцатом году случился огромный скандал: мама застала здесь балерину Соболинскую! Вам что-нибудь говорит это имя?

– Конечно! – отвечал первый секретарь, печалась классовой неразборчивости звезды русского балета.

Провожая гостью, он, поколебавшись, пожал протянутую как для поцелуя сморщенную ручку. Старушка выразила настойчивое желание купить на память отеческий дом, потом села в кинематографически сияющий «мерседес» и укатила.

– Значит, спальня, – задумчиво повторил заведующий организационным отделом райкома Олег Чесноков. – То-то, я смотрю, иной раз на планерке такая чепуха в голову лезет.

На другой день Чесноков принес к себе в кабинет огром-

ный чемодан и стал собирать вещи, а на все вопросы с горечью отвечал:

– Пришла телефонограмма. Особняк продан за двести тридцать семь тысяч долларов. По частям будет вывозиться в Бразилию.

С этой вестью к Шумилину влетела третий секретарь райкома Надя Комиссарова. Раскрыв честные голубые глаза и теребя пуговку учительского костюма, она спрашивала, что же теперь будет.

Он отсмеялся, потом вызвал Чеснокова, сказал, что ценит его остроумие и именно поэтому назначает руководителем бригады пэтэушников, отправляющихся в воскресенье на районную овощную базу.

О базе нужно сказать особо: с неумолимой регулярностью, как Минотавр, она требовала жертв – молодых парней и девушек, ведь должен же кто-то по выходным дням разгружать вагоны и сортировать корнеплоды. «Витамины все любят, а кто мешки таскать будет?» – говаривал румяный, с ног до головы одетый в кожу директор овощехранилища, хотя его самого за склонность к натуральным изделиям никто по воскресеньям не гонял на кожевенные предприятия столицы. Но тем не менее бригады комсомольцев постоянно работали на базе, а время от времени Шумилин выводил потрудиться и весь аппарат райкома во главе с членами бюро – чтоб не отрывались от масс.

Вспоминая о всякой всячине, первый секретарь старался

не думать о случившемся, но мысль эта, как боль, которую стараешься не замечать, сверлила и сверлила сердце. Вокруг шумела по-выходному неторопливая Москва, а он все ускорял шаг и по ступенькам райкома поднялся почти бегом.

С первого взгляда было понятно, что весь аппарат в сборе и трепетно ждет прибытия первого секретаря: вот приедет и всех рассудит. Интересно как?

Шумилин привычным движением распахнул стеклянные двери приемной. Хорошенькая, виртуозно покрашенная секретарь-машинистка оборвала электрический стрекот.

– Здравствуйте, Николай Петрович! Как вы загорели!

– Здравствуй, Аллочка, замуж еще не вышла? Это, наверное, за тобой к нам забрались.

Плотный слой пудры не выдержал, и стало видно, как покраснели Аллочкины щеки. К концу рабочего дня она обязательно сообразит, как надо было ответить веселому начальнику.

Из приемной дверь вела прямо в зал заседаний, в свою очередь соединявшийся с кабинетом первого секретаря. В зале – большой комнате с лепным потолком и рудиментарным камином – за длинным полированным столом понуро сидели Комиссарова, Чесноков и незнакомый молодой мужчина с волевым лицом и ранней, нежной лысиной. А загрустить было отчего: кругом царил разгром. Казалось, только минуту назад последний из налетчиков, пустив пулю в потолок, перемахнул через высокий мраморный подоконник.

На полу валялись черепки и обломки сувениров, полученных райкомом от различных коллективов и делегаций. Какая выставка была – во всю стену! Специальные стеллажи заказывали. Одно из знамен, стоявших в углу, наполовину сорвано с древка, на столе запеклась коричневая лужа. «Кровь?!» – подумал Шумилин.

– Портвейн розовый, – перехватив взгляд, успокоил проницательный незнакомец и отрекомендовался: – Инспектор следственного отдела РУВД капитан Мансуров... Михаил Владимирович.

– Значит, портвейн? – переспросил первый секретарь, пожимая руки капитану и своим подчиненным.

– Так точно, – подтвердил инспектор. Для себя он, видимо, решил, что перед ним хоть и комсомольское, а все-таки начальство, и говорил поэтому подчеркнуто официально, но с иронией специалиста, вынужденного объяснять элементарные вещи. – Одна бутылка под столом, вторая разбита о подоконник. Пили из кубков городской спартакиады, один кубок исчез. Возможно, украден.

– Больше ничего не украдено?

– Ваши сотрудники уверяют, что остальное цело... Точнее, на месте, не украдено.

– А что у нас красть? – усмехнулся Чесноков.

– Как что? А хрусталь – чехи подарили! – вмешалась Комиссарова.

– Подростки, как правило, не придают особого значения

материальным ценностям. Ваш хрусталь они просто расколотили. – И капитан показал на усыпавшие пол осколки.

– А почему вы решили, что это – подростки? – обидчиво уточнил Шумилин, совсем недавно принимавший из рук первого секретаря горкома грамоту за хорошую организацию в районе работы с подростками.

– Потому что взрослые преступники, как правило, не совершают таких бессмысленных действий и не оставляют столько следов.

– Вот именно – бессмысленных! – подхватил заворг. – Зачем лезть в райком – это же не квартира директора «комиссионки».

– А откуда, товарищ Чесноков, вы знаете, что ограблена квартира директора комиссионного магазина? – осведомился Мансуров.

– Я не знал, я к примеру сказал. А кого обчистили?! Понял: служебная тайна.

– А если это провокация?! – вдруг вскинулась Комиссарова, распахнув длинные, покрытые комками туши ресницы.

– Конечно, – серьезно подтвердил Чесноков. – Наглая попытка спровоцировать вооруженный конфликт между двумя районами столицы.

– Олег Иванович! Шутки такого рода неуместны! – оборвала третий секретарь тоном, каким объявляют выговор с занесением в карточку персонального учета.

– Провокация? Не думаю. Но этой версией тоже занима-

ются, – веско сказал инспектор.

– Вот так, да? Значит, вы считаете, это подростки? – снова уточнил Шумилин.

– Считаю. И не только я, – усмехнулся капитан. – Но если у вас есть сомнения, можете позвонить старшему следователю майору Ботвичу. Вот телефон. Если же вас просто интересуют подробности, товарищ первый секретарь, то объясняю: вчера по вызову здесь была оперативная группа с Петровки, работали следователь, эксперт, кинолог с собакой, а теперь этим делом занимаемся мы. После осмотра места происшествия многое уже ясно: судя по следам, к вам забрались двое. Один, высокий, был одет в темно-синий свитер (нитка зацепилась за трещину в стеллаже). Преступники проникли через незакрытое окно между девятью и десятью часами вечера, распили две бутылки вина и в состоянии алкогольного опьянения, вероятно, пытались совершить кражу, хотя, правда, при осмотре места происшествия намерение проникнуть в другие помещения, скажем в бухгалтерию, не подтвердилось.

– Я же говорю: нечего красть! – встрял Чесноков.

– Погоди, – поморщился Шумилин.

– Объясняю, – продолжил капитан. – Возможно, преступников кто-то спугнул. Собака взяла след и довела до трамвайной остановки «Новые дома». Остановка видна из вашего окна. Свидетелей пока нет. Вот все, что мы имеем на сегодня. Если без профессиональных подробностей. К нам под-

ключена инспекция по делам несовершеннолетних. Следователем возбуждено уголовное дело по факту попытки совершения кражи.

– Ясно, – начал Шумилин, которого задела снисходительная манера инспектора. – Все это не-ожиданно...

– Преступление – всегда неожиданность, – отозвался Мансуров. – На первый взгляд...

– Вот так, да? – в тон ему переспросил первый секретарь. – Но для нас, товарищ капитан, это еще, если хотите, вопрос чести...

– ...Это надругательство над героической историей комсомола, – вдохновенно подхватила Комиссарова, – вызов каждому, кто носит комсомольский значок, – это тень на всю районную организацию – одну из лучших в городе. А для работников аппарата это еще и нравственная травма. Представьте, что к вам в РУВД забрались...

– Извините, не могу. От нас обычно хотят выбраться.

– Эмоциональность Надежды Григорьевны понять можно, – раздраженно взглянув на третьего секретаря, снова заговорил Шумилин, – это действительно вызов, поэтому очень важно привлечь к поискам наш районный оперативный отряд.

– Один из лучших в городе! – гордо добавила Комиссарова.

– Краснопролетарское – значит лучшее, – пробормотал в сторону заворг.

– Ну, об этом мы сами догадались, – улыбнулся капитан. – С вашим оборонно-спортивным отделом все оговорено, дружинники уже опрашивают подростков в микрорайоне, кое-где дежурят.

– Хорошо. А что еще можно сделать?

– Можно мусор убрать – специально до вашего приезда держали. Что еще? Окно не забывайте на ночь закрывать. Если б заперли – может, они бы и не залезли. А я пока с вашего разрешения побеседую с работниками райкома...

Инспектор попрощался и по осколкам захрустел к двери.

– Кто открыл окно? – грозно спросил Шумилин, когда он вышел.

– Я! – скромно признался Чесноков.

– Ты?! Когда?

– Еще в мае, во время аппарата. Помнишь, ты сказал: «Олег Иванович, солнышко-то совсем летнее, вскрой, пожалуйста, окошечко!»

– Что ты мелешь?

– А ты спрашиваешь, как будто не знаешь, что окно у нас все лето настежь.

– Но на ночь-то закрывать нужно!

– А ты сам сколько раз последним уходил – всегда закрывал?

– Н-нет... Ну ладно. Теперь другое: вы бы хоть при инспекторе постеснялись! Ты, Олег, соображай, когда остричь.

– Виноват, командир.

– Дальше: кто первый увидел все это?

– Я, – выступила из-за спины заворга Комиссарова. – Я субботу рабочим днем из-за слета объявила, прихожу в девять часов, открываю дверь – со мной плохо. Кононенко уже не работает. Ты – в отпуске. А я ни разу в жизни милицию не вызывала. Позвонила по ноль-два, а потом тебе телеграмму дала.

– Так. В райком партии сами сообщили?

– Сами.

– Молодцы. Как первый отреагировал?

– Ему на дачу дежурный позвонил, Ковалевский сказал, что с комсомолом не соскучишься.

– Он знает, что меня из отпуска вызвали?

– Наверное, знает.

– Хорошо. Что с горкомом?

– Я сама в приемную звонила.

– Ладно. Все нормально пока. Дальше жить будем так: Надя...

– У меня совещание по пионерскому приветствию.

– Совещайся. Олег, через двадцать минут ты мне доложишь о подготовке слета, в половине первого соберем аппарат. Пока пусть все обзванивают членов бюро, кого найдут, – до двенадцати люди еще дома, если с пятницы из города не уехали. В два часа экстренное заседание бюро. А до этого проведите маленький субботник – пусть ребята быстренько зал заседаний уберут. Все понятно?

– Что говорить членам бюро? – спросил Чесноков.

– Ничего. Говорите: я прошу их срочно приехать.

...Из-за неплотно прикрытой двери было слышно, как сметают в совок осколки и скрипят влажной тряпкой по паркету, двигают стулья – уничтожают следы происшествия.

– Мети лучше! – командует Чесноков. – Видишь, стекло остается!

– За один раз все равно не выметешь, – оправдывается Аллочка. – Осколки в паркет забились, нужно уборщицу предупредить, а то все руки порежет...

«Об эти осколки не только руки порежешь!» – зло подумал Шумилин и набрал номер дежурного по райкому партии, сообщил, что прилетел, разбирается на месте, и узнал: завтра утром его хочет видеть первый секретарь Краснопролетарского РК КПСС Владимир Сергеевич Ковалевский.

Через полчаса краснопролетарский руководитель выяснил, что по вверенному ему райкому имеют место быть два ЧП: налет, совершенный неизвестными хулиганами (этим занимается милиция), и срыв традиционного слета, осуществленный известными работниками аппарата (чем предстоит заняться самому Шумилину). Причина, как всегда, крылась в кадрах. Четыре года его правой рукой был Виктор Кононенко, умный, опытный парень и, что совсем редко для заместителя, верный товарищ. Кононенко прошел путь от инструктора до второго секретаря, аппаратное дело знал до тонкостей. Уходя в отпуск или отбывая по линии «Спутника» за границу во главе туристской группы, первый за райкомом был спокоен – Витя не подведет. И вот теперь, в такую трудную минуту, нельзя ему даже позвонить: бывший второй теперь ворочает комсомолом на одном из участков БАМа. Впрочем, в комсомоле внезапных переходов не бывает – все заранее обговаривалось, да и сам Кононенко, инженер-строитель по образованию, давно рвался на оперативный простор.

А Шумилин, которого настораживала все возраставшая любовь Ковалевского ко второму секретарю райкома комсомола, немало поспособствовал, чтобы это назначение состоялось. Если бы он только знал, что Кононенко заберут так

рано! Во время отпуска! Да, это – прокол: первый обязан предвидеть все!

Дальнейшие печальные события восстановить было не сложно.

Оставшись в райкоме за старшего, третий секретарь Комиссарова потеряла голову из-за пионерского приветствия участникам слета и пустила все на самотек. Сложилось обманчивое впечатление, будто что-то делается, кипит работа, берутся намеченные и определяются новые рубежи, а по сути, слет, мероприятие общегородского масштаба, оказался на грани срыва. И если хоть что-нибудь сделано, то благодарить нужно вышедшего из отпуска несколько дней назад заворга Чеснокова. В распахнутом кожаном пиджаке, со свистом рассекая воздух тугим животом, он носится по райкому, звонит одновременно по двум телефонам, озадачивает сразу двух инспекторов, диктует машинистке свой кусок доклада... А может, его – на место Кононенко? В горкоме советовали.

В настоящий момент кудрявый Чесноков стоял перед первым секретарем, смотрел преданными черными глазами и, сверяясь с «ежедневником», докладывал о подготовке к слету.

– Первая позиция. Президиум. Точно будут: Ковалевский, секретарь горкома комсомола Околотков, Герой Советского Союза генерал-лейтенант Панков, Герой Социалистического Труда ткачиха Саблина, делегат съезда – она же член

нашего бюро – Гуркина, ректор педагогического института Шорохов... Пока все. Нужно пригласить, только уж сам звони: космонавта, узнаваемого актера из драматического театра и обязательно ветерана, но такого, чтобы выступить не захотел, а то, помнишь, на прошлогоднем слете дед из Третьей Конной час рассказывал, как ногу в стремя ставил...

– Олег Иванович! – Шумилин невольно улыбнулся и нахмурил брови.

– Понял. Не повторится. Вторая позиция. Твой доклад. Все отделы, кроме Мухина, свои куски сдали, я их свел, Аллочка допечатывает, можешь пройти рукой мастера.

– Фактуру по работе с подростками не забыли?

– Обижаешь, командир! Локтюков и Комиссарова расстались. Особенно о подростках и нашем детдоме получилось здорово!

– Вот так, да? Дальше.

– Плохо с выступающими. Пропаганда пока никого не подготовила – с Мухиным разговаривай сам. Мои ребята ведут печатника, строителя и двадцатичетырехлетнего кандидата наук, представляешь? По другим отделам будут: студент из педагогического (первокурсник – ты его не знаешь), спортсмен, солдатик, от творческой молодежи, как всегда, выступит Полубояринов. Да-а, совсем забыли: от майонезного завода будет этот... как его?..

– Кобанков?

– Точно. Он к своему отчетному собранию хороший текст

подготовил. Со слезой! Самородок!

– А когда у них собрание?

– Завтра. Первыми проводят.

– Вот так, да? Надо к ним съездить. – Шумилин сделал пометку на перекидном календаре.

– И последнее: школьный отдел пишет выступление на тему «За партией – как в бою!».

Краснопролетарский руководитель снова улыбнулся и спросил:

– Сколько всего выступлений?

– Девять. Из них два резервные.

– Сколько подготовлено?

– Два: Кобанков и Полубояринов...

– А слет в среду! С этого и начинал бы. Дальше.

– Третья позиция. Пригласительные билеты. НИИТД отпечатал еще в начале недели, уже разослали. Вот образец.

И Чесноков положил на стол красные глянцевые корочки с золотым тиснением.

– Красиво, – покачал головой первый секретарь. – Райком, выходит, не готов, зато билеты готовы. Дальше.

– Четвертая позиция. Скандирующая группа. Взяли молодых ребят из драматического театра; когда их слышишь, хочется встать и запеть...

– В день слета в спектакле они не заняты?

– Кто?.. Нет, наверное...

– Проверь.

– Понял. Пятая позиция. Плакаты пропаганда еще не сделала, с Мухиным разговаривай сам, у него на все один ответ: решим в рабочем порядке. Кстати, кино – в рабочем порядке – он тоже до сих пор не заказал. В последний момент, боюсь, привезет какой-нибудь «Центрнаучфильм». Ты бы позвонил, может, недублированный дадут? Актив побалуем.

– Не дадут.

– Почему?

– Вредно это!

– Понял, командир. Но тогда тех, которые для нас фильмы покупают, надо отстранять!

– Зачем?

– Потому как отравлены буржуазной идеологией: они ведь все фильмы – и сдублированные! – смотрят. Жуть! Шестая позиция. Транспортом для пионеров занимается Шестопапов.

Я ему сказал: если не решит вопроса с автобусами, повезет на себе...

– Письмо в автохозяйство отправили?

– Нет еще.

– Из скольких школ пионеры?

– Из пяти.

– Где собирать будете? Где репетировать?

– Во Дворце.

– С директором договорились?

– Кажется, да...

– Кажется... За три дня до слета знать нужно! Кажется...
Дальше.

– Седьмая позиция. Сцена, президиум, контакт с ДК автохозяйства, звукорежиссура – всем занимается Мухин, обещал решить в рабочем порядке, разговаривай с ним сам.

– Значит, тоже не сделано, – еще больше помрачнел Шумилин.

– Восьмая позиция. Рассадка в зале. Этим занимаются мои ребята, студенческий и школьный. Заяшников приведет первые курсы педагогического, мои обеспечат делегации предприятий и организаций, подстрахуемся школьниками. Если в зале останется хоть одно свободное место, можешь расстрелять меня при попытке к бегству. Девятая позиция. Дружинники. Локтюков все сделал. Тридцать районных каратистов придут на дежурство в поясах всех цветов радуги. Шучу. Десятая позиция. Буфет. Я договорился: трест столовых организует два лотка. Будут киоски с книгами и пластинками, посмотри список – там интересное есть... Пометь – я тебе отложу. Одиннадцатая позиция. Корреспондента из «Комсомольца» я пригласил, звонил от твоего имени, с радио тоже будут. Телевизионщики ответили, что снимали нас в прошлый раз – сколько можно? Кстати, сделать это должен был Мухин, но средства массовой информации я никому не доверяю. Ты, например, давно себя в газете на фотографии видел?

– А что?

– Ничего. Двенадцатая позиция. Приветствие пионеров. Разбирайся сам: Комиссарова, как всегда, сварганила целую мистерию. Барабаны, фанфары, дети грудного возраста читают стихи, под конец весь президиум с красными галстуками на шеях.

– У тебя все? – снова нехотя улыбнулся Шумилин.

– По слету – все.

– Ладно. Узкие места сейчас на аппарате обговорим. Ты с Комиссаровой к завтрашнему дню подготовь подробный сценарий. Еще что?

– Подлещиков опять письмо прислал.

– Про выставку?

– Нет, про выставку ему давно ответ отправили – успокоился.

– А теперь что?

– Народный театр пантомиму по «Алым парусам» поставил.

– Интересно!

– Так вот, Подлещиков возмущается, что по сцене «Ас-соль в одной комбинации бегают», а капитан Грэй «до пояса голый».

– А почему этим твой отдел занимается?

– Поручи Мухину, если неприятностей хочешь.

Шумилин задумался: Подлещиков имел воинское звание генерал-лейтенанта и, выйдя в отставку, весь свой не растроченный на строевых занятиях потенциал обрушил на эпи-

столярный жанр. В основном его интересовали литература и искусство, но при случае он мог высказаться также по вопросам экономики, морали, права... Райком вел с ним давнюю, изнурительную переписку.

– Ладно, – согласился краснопролетарский руководитель после размышлений. – Ответь, как обычно: письмо обсудили в райкоме, с художественным руководителем проведена беседа. Напиши, что режиссер, мол, ничего плохого не думал, а просто хотел передать обнаженность чувств и романтичность гриновских героев. Ну и поблагодари его за внимание к молодежи.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.